

Слова эти, способные пробудить и мертвого, канули в пустоту — ни один из лежащих на постели так и не пошевелился.

Раненый только-только миновал опасный рубеж, и прийти в себя в ближайшее время ему не грозило.

Ин Цинъян же накануне лег слишком поздно, так что теперь его не разбудило бы даже землетрясение.

Лекарю Суню оставалось лишь сокрушенно вздыхать. Бедный мальчик: прежде его и в полдень-то из постели было не вытащить, а тут ему пришлось пережить бесконечную, мучительную ночь.

Примостившись на краю лежанки, старик по очереди прощупал пульс у обоих.

Цинъян по-прежнему был крепок как молодой бычок, разве что немного истощен из-за бессонной ночи — ему действительно требовался хороший отдых.

У его невольного соседа дела обстояли куда хуже: пульс лихорадило, а жизненные силы едва теплились — казалось, он вот-вот испустит дух. Пилюля очищения от ядов помогла, но полностью вывести отраву не удалось. Без последствий тут явно не обойдется.

Лекарь Сунь с досадой поморщился. Перед глазами так и встали его драгоценные снадобья, безжалостно превращенные в бесполезный жмых.

Он бесшумно выскользнул за дверь, лихорадочно прикидывая в уме, хватит ли запасов в кладовой, чтобы хотя бы поставить бедолагу на ноги и вырвать его из лап смерти.

С этими невеселыми мыслями лекарь направился к дому Цзян Юньчжи. Нужно было не только сообщить наставнику скверные новости, но и заодно пожаловаться на неподобающее поведение Пятого принца.

Разумеется, Сунь и раньше знал вздорный нрав мальчишки — вырасти тот в столичной роскоши, наверняка прослыл бы отпетым повесой. И все же вид принца, без тени смущения спящего в одной постели с незнакомцем, поверг старого лекаря в глубокое смятение.

На душе у лекаря сделалось тоскливо. Он почувствовал себя садовником, который холил и лелеял нежный росток, а вырос в итоге дикий сорняк.

Охая и качая головой, он переступил порог.

Великий наставник действительно уже поднялся. Он стоял у стола, заваленного листьями

тонкой рисовой бумаги. На них стремительными, размашистыми мазками пламенели иероглифы — Цзян Юньчжи писал своим излюбленным стилем «безумной скорописи».

Тяжелая каменная чернильница, примостившаяся на углу, служила прессом. Наставник то и дело макал кисть в тушь, выводя узоры, напоминавшие извивающихся драконов, и, судя по всему, прерываться не собирался.

Лекарь невольно подивился этому зрелищу: старик уже много лет не брался за каллиграфию.

Хорошая бумага в глухом Цюнчжоу ценилась на вес золота. Те немногие листы, что покупались для занятий принца, наставник отрывал буквально от сердца, сам же к ним и прикасаться не смел.

Последнее время дела у общины шли из рук вон плохо. Экономя каждую медную монету, Цзян Юньчжи выводил письма прямо на сырой земле обычной сухой веткой.

В былые годы, при дворе, он славился утонченным вкусом и любовью к изящному искусству, но суровая жизнь стерла былой лоск.

Что же заставило его теперь иступленно, лист за листом, марать драгоценную бумагу?

Движимый любопытством, Сунь заглянул через плечо каллиграфа. Тонкостями словесности лекарь не владел, однако сумел разобрать, что это буддийские каноны — наставник и в прежние времена нередко искал в них утешение.

Заметив приближение лекаря, Цзян Юньчжи наконец замер. Его рука, обычно твердая как скала, едва заметно дрожала над неоконченным свитком.

— Есть новости из главного дома? — спросил Цзян Юньчжи.

С кончика его кисти сорвалась тяжелая капля туши, расплывшись уродливым черным пятном на пористом листе.

Лекарь кивнул:

— Очнулся. Но знали бы вы, наставник... Захожу, а Его Высочество и этот... пройдоха лежат под одним одеялом! Срамота! Куда катится мир?!

— Понятно, — после долгого молчания хмыкнул старик. — Пусть делает что хочет. Парень твердо вознамерился взять его в «жены». Впервые за столько лет он о чем-то попросил сам. Имеем ли мы право отказать ему?

— Какая там жена... — Сунь скептически покачал головой. — Увлёкся смазливый личиком, только и всего. Да и радоваться рано — боюсь, незнакомец останется калекой.

Он выразительно постучал пальцем по собственному веку.

Заметив этот жест, наставник на миг замер, отложил кисть и со вздохом покачал головой:

— Видно, такова его судьба.

С молчаливого согласия наставника ценнейшие снадобья из деревенской кладовой рекой потекли в покои Пятого принца.

За без малого двадцать лет — а если прибавить тайную прошлую жизнь, то и за все сорок — Цинъян впервые примерил на себя роль сиделки.

В прежнем воплощении он сам рос хилым и болезненным, а потому прекрасно знал, каково это — быть прикованным к постели. Накопленный тогда опыт сослужил ему хорошую службу: благодаря его неусыпной заботе раненый шел на поправку удивительно быстро.

К счастью, помогал ему лишь верный А-Мо. Будь на месте этого простодушного увальня кто-то более сметливый, он непременно заподозрил бы, что в строптивое тело юного принца вселился чужой дух.

Но даже при столь бережном уходе чужак пролежал без памяти больше недели. Лишь на десятое утро у него появились первые признаки возвращения к жизни.

В тот час Цинъян, примостившись на низенькой скамеечке, увлеченно толоч коренья в ступке. Глухой монотонный стук каменного пестика сливался с завыванием метели за окном, превращаясь в невыносимую какофонию, бьющую по натянутым нервам.

Настроение у принца было скверным. Слабый привкус утренней каши во рту давно сменился удушливой горечью сухих трав — казалось, она пропитала все его существо.

Он сжевал несколько сушеных кислых ягод дикого финика, но даже их терпкий сок не помог перебить эту пакость.

Цинъян искренне подозревал, что вредный лекарь нарочно насыпал в отвар побольше полыни и чистотела, зная о его обостренном обонянии и вкусе.

Неудивительно, что пестик опускался в ступку с особой, мстительной яростью.

Зима в Цюнчжоу вошла в полную силу. Свирепый буран бесчинствовал на улице, заметая дороги и загоняя все живое под крыши. В комнате же тихонько булькал глиняный котелок на очаге, источая слабый аромат разваренной крупы.

Не будь этот грохот столь оглушительным, картину можно было бы назвать вполне умиротворяющей.

Именно этот мерный стук и вырвал Цзян Чжэньюя из пучины беспамятства.

Голова раненого раскалывалась, мысли путались, мешая осознать происходящее. Последнее, что он помнил — сокрушительное падение в бездну, свист ветра и ослепляющую вспышку боли.

Звуки, доносившиеся извне, обретали чёткость. Монотонные удары напоминали стук судейского молотка в зале допросов. Свист вьюги и бульканье воды складывались в пугающий, зловещий гул.

Сбрасывая шелковые одежды на краю обрыва, Чжэньюй не сомневался, что найдет вечный покой в этих чистых сугробах. Он и помыслить не мог, что когда-нибудь снова увидит свет.

Чувства возвращались неохотно. Члены налились свинцовой слабостью, каждое ранение отзывалось тупой ломотой. Собрав остатки сил, он разомкнул веки, но... вокруг царил непроглядный мрак.

И этот непрекращающийся, давящий стук судейского молотка лишал его рассудка.

— Неужели... чертоги Яньло-вана? — едва слышно прохрипел он.

Цинъян не обладал столь феноменальным слухом, как А-Мо, но за дни, проведенные у постели больного, научился замечать малейшие перемены. Стоило раненому слабо шевельнуть пальцами, как принц тут же насторожился.

Не прекращая работы, он скользнул взглядом по лежанке и сразу заметил, что чужак открыл глаза. Глаза эти, впрочем, смотрели в пустоту.

Светлые, янтарного оттенка зрачки казались осколками драгоценного камня, но в них не было и проблеска жизни.

В голове Цинъяна промелькнула мимолетная мысль.

Говорят, люди со светлыми глазами плохо переносят яркий свет.

Масляный светильник у изголовья бросал на постель неровные блики. Его тусклое пламя едва разгоняло полумрак, но для ослабшего зрения могло показаться слепящим пожаром.

Мужчина действительно едва заметно прищурился, силясь хоть что-то разглядеть.

Принц тихо хмыкнул, забавляясь его растерянностью.

Услышав слабый ропот, Цинъян не удержался от смешка. По своему обыкновению, он ответил дерзко и развязно:

— Спешу тебя разочаровать: в преисподней вряд ли топят печи и раздают пуховые одеяла. Да и на мягкую постель грешникам рассчитывать не приходится.

— Кем ты себя возомнил — неприкаянным духом? Или меня принял за грозного стража загробного мира?

В его интонациях сквозила легкая, дружеская укоризна.

Голос незнакомца — чистый, звонкий, с задорными переливами — коснулся слуха подобно мягкому перышку.

Разум Чжэньюя все еще блуждал в тумане. Раны ныли, а застарелый недуг, дремавший доселе, грозил вспыхнуть с новой силой. Он не мог до конца поверить, что выжил, и судорожно пытался сориентироваться.

Он замер, прислушиваясь. Жуткие поначалу звуки постепенно обретали вполне земное объяснение. Всего мгновение — и мозаика сложилась.

Он лежал на теплой лежанке. Под спиной ощущался плотный матрас, а на смену его тонкому шелку пришло грубое шерстяное платье — колючее, неудобное, зато надежно удерживающее тепло.

Тело не повиновалось. Левая нога полностью онемела, стиснутая жесткими лубками.

Чуть поодаль потрескивали дрова, и весело фыркал котелок. За тонкими стенами бесновался ветер, швыряя пригоршни снега в ставни. Стало ясно: он в каком-то глухом горном приюте на склонах горы Цюнь.

Жилье было более чем скромным. Скучная обстановка выдавала крайнюю бедность хозяина —

впрочем, не доходящую до полной нищеты.

Даже в самые суровые годы изгнания Чжэньюю не приходилось носить столь топорную одежду.

Единственным достоинством этой лачуги было то, что она спасала от ледяного сквозняка и не грозила рухнуть под напором метели.

Сквозь пелену забвения проступили обрывки воспоминаний: полет с кручи, сильный удар о веревочную сеть — ловушку для зверя, которая и амортизировала падение, сохранив ему жизнь.

Перед тем как окончательно лишиться чувств, он заметил чей-то силуэт. Стало быть, этот незнакомец и вытащил его из беды.

Безупречный план самоубийства, просчитанный до мелочей, рухнул из-за нелепой случайности.

Но как? Даже если падение не убило его, смертоносный яд, отравивший кровь, должен был довершить начатое в считанные часы.

Неужели этот деревенский житель сумел совладать с редчайшей отравой?

В комнате воцарилось молчание.

Отставив пестик, Цинъян подпер подбородок рукой и принялся с нескрываемым любопытством разглядывать своего гостя, терпеливо ожидая ответа.

Надо признать, незнакомец оказался именно таким, каким его и рисовало воображение принца: утонченный книжник, благородный муж, чье призвание — слагать стихи под сенью персиковых деревьев.

Полная противоположность самому Цинъяну, который без чужой подсказки не сумел бы составить даже брачный договор.

Раненый медленно моргнул и хрипло спросил:

— Мы знакомы?

— Впервые увидел тебя там, в ущелье, — отозвался Цинъян.

— Между нами есть вражда?

— Какая вражда, коли мы прежде в глаза друг друга не видели?

— Может, я вырезал твой род или лишил жизни твоих близких?

— Бог миловал.

После столь решительного заверения незнакомец замолчал. Когда он заговорил вновь, его голос звучал безразлично — так рассуждают о вещи, которой давно пора на свалку.

— Тогда ради чего спасать меня?

Оставив позади трупы преследователей, он ушел в заснеженную пустошь без капли сожаления. Его исчезновение ставило точку в династических спорах — трон перешел к другому, и этого уже не изменить.

Собственная участь его мало заботила: жизнь не приносила радости, но и смерть не пугала.

Но нынешнее положение... Даже при его выдающемся уме Чжэньюй не мог предвидеть, что у самых врат преисподней его перехватит этот настырный юнец.

Жалкое прозябание слепого калеки — сомнительная награда за спасение. Небытие казалось куда милосерднее.

Больше всего на свете он ненавидел зависимость. Сама мысль о том, что он теперь кому-то обязан, вызывала у него отвращение.

Цинъян с улыбкой склонил голову набок:

— Ну и чудной же ты. Разве для доброго дела нужен повод? Захотел — и вытащил. Да и карму улучшить лишним не будет.

Чжэньюй почувствовал жжение в глазах. Он не стал спорить и доказывать, что жизнь беспомощного калеки лишена всякого смысла.

Будущее не сулило ему ничего хорошего. Будучи по натуре законченным циником, он привык искать во всем скрытые мотивы. В уме он один за другим перебирал возможные причины своего спасения.

Драгоценный нефрит? Дорогие одежды? Или действительно глупое прекраснодушие?

Призраки прошлого, похороненные в глубинах памяти, вновь зашевелились, требуя внимания.

Чжэньюя захлестнула глухая ярость. Чужая бесхитростная забота казалась ему издевкой, оскорблением его гордости.

Как же он ненавидел эту показную жалость!

Окончательно придя в себя, он ощутил, как по телу разливается острая боль.

Ноющая судорога в левой ноге, туго перетянутой лубками, заявляла о себе все настойчивее.

Понимая всю тщетность своих расспросов, он все же спросил:

— Моя нога...

— Сустав вылетел, кость треснула, — беспечно отозвался Цинъян. — Но не переживай, я все вправил.

— Ты... лекарь?

— Да нет, просто нахватался кое-чего у нашего знахаря.

Чжэньюй бессильно смежил веки.

Непривычная темнота давила на разум, выпуская на волю самых жутких демонов его израненной души.

Цинъян спохватился, сообразив, что его слова прозвучали не слишком обнадеживающе, и поспешил оправдаться:

— Опыта у меня, положим, маловато, но руки растут откуда надо. Я так Черную Тень спас: подобрал бедолагу в ущелье, выходил...

— Черную Тень? — переспросил раненый, силясь понять, о ком речь.

Судя по имени, это едва ли был человек.

— Ну да, — простодушно кивнул Цинъян. — Кобылу нашу хромую.

Чжэньюй лишился дара речи. Вот, значит, на ком тренировался его спаситель.

В комнате повисла тяжелая, неловкая пауза. Губы Чжэньюя дрогнули. Хваленое самообладание, годами защищавшее его от внешнего мира, дало трещину.

Копившийся в душе яд наконец прорвался наружу, и слова сорвались с его губ острыми, безжалостными стрелами:

— Излишнее милосердие порой ранит сильнее меча. Для кого-то твоя «доброта» — медленный яд, выворачивающий суставы и сдирающий кожу.

— На свете нет бескорыстных поступков. Спасая первого встречного, люди лишь пытаются заглушить голос совести, искупая старые грехи.

— Кому задолжал ты, мой благодетель? Перед кем замаливаешь вину?

«Ты думаешь, что даруешь жизнь?»

«Да ты обыкновенный палач, пытающий меня тупым клинком».

Он говорил на удивление тихо и спокойно, почти ласково, но в каждом слове сквозила смертоносная издевка, способная ранить любого.

Собеседник промолчал, и Чжэньюй решил нанести решающий удар:

— Так чего же ты хочешь? Золота? Власти? Высокого покровительства?

— Увы, я гол как сокол. Из моей признательности тебе не выкроить выгоды. Ты лишь зря перевел на меня ценные лекарства и припасы.

— Хотя... — губы мужчины тронула горькая усмешка. — Мои старые одежды еще могут чего-то стоить. Если хочешь, забери их в уплату.

Слепота обострила прочие чувства: сквозь вой вьюги он явственно различал ровный, размеренный стук чужого сердца.

Оно билось спокойно и уверенно, ни на мгновение не изменив ритма под градом его ядовитых упреков.

Не видя лица собеседника, Чжэньюй тем не менее кожей чувствовал на себе его пристальный, изучающий взор.

И тут раздался смешок. Юношеский, звонкий голос, напоенный искренним весельем, заставил его вздрогнуть:

— И это все? Ничего поинтереснее не придумал?

Цинъян не сводил глаз с изможденного лица раненого.

Десять дней забвения иссушили некогда благородный облик, превратив его в бледную тень. Тонкая струйка рисового отвара, которую удавалось влить в него силой, едва поддерживала угасающий огонек жизни.

Принц разглядывал прерывистое дыхание мужчины, мелкую дрожь его ресниц и бескровные, плотно сжатые губы, выдававшие упрямый нрав.

Все колкости пролетели мимо ушей Цинъяна. Он лишь лениво размышлял: неужели все эти благородные мужи рождаются такими упрямыми? Даже о желании свести счеты с жизнью они заявляют столь витиевато.

Сам он был вылеплен из совсем другого теста. Цинъяну было важно просто дышать, тогда как подобные господа слишком много внимания уделяли форме, пренебрегая сутью.

И все же его было не так-то просто уязвить или вывести из равновесия.

— Ну что, выговорился? — весело поинтересовался Цинъян. — Теперь моя очередь?

В словесных перепалках принц никогда не уступал — обычно его оппоненты первыми хватались за ртом воздух от возмущения. Напускная суровость раненого не произвела на него никакого впечатления.

Он отличался редкостной толстокожестью и, что примечательно, полным отсутствием стыда.

Подобные излияния были для него не опаснее комариных укусов.

Зато сам он умел бить по самым больным местам с точностью опытного палача.

— Искупление вины? Тут ты промахнулся, приятель. Я отродясь никому ничего не был должен. Если уж на то пошло, это весь мир в долгу предо мной.

— И ты в том числе. Своей тушкой ты разорвал мою лучшую сеть. Представляешь, сколько сил я угробил, плетя ее?

— Я еще составлю смету расходов. С чего ты взял, что я бескорыстный святоша? Вытащить тебя из ямы пришлось лишь для того, чтобы не остаться у разбитого корыта.

Чжэньюй промолчал, лишь инстинктивно повернул голову на звук голоса. Он кожей почувствовал, как чужак наклоняется к нему.

Теперь не оставалось сомнений: спасительная сеть была обычной ловушкой для дичи, в которую он угодил по нелепой случайности.

Рой тревожных мыслей в его голове наконец немного утих.

Цинъян придвинулся еще ближе. Он по-прежнему подпирал рукой щеку, однако в его глубоком взгляде не было жалости — лишь лукавая, хищная насмешка.

Тонкие, прохладные пальцы юноши коснулись разметавшихся по подушке темных прядей. Он неторопливо намотал одну из них на палец, уподобляясь сытому зверю, лениво играющему с пойманной добычей.

Чжэньюй напрягся. Пустяковый жест отозвался в его груди глухой тревогой — словно враг нащупал его самое уязвимое место.

— Будь спокоен, — вкрадчиво прошептал Цинъян, щекоча его ухо дыханием. — Каждая медная монета записана. И пока ты не вернешь мне все до последнего цян, умирать тебе строго запрещено.

— К тому же есть новость погорше. Противоядие, которым я тебя отпаивал, — секретный семейный рецепт. Излечить им можно лишь законного супруга. Так что я уже обо всем договорился со старейшинами: мы сыграем свадьбу.

— Хм, как там говорится в умных книгах? — Он притворно задумался и хлопнул себя по лбу. — Ах да! «За спасение жизни — отплати союзом»!

— Так когда отпразднуем? Только скажи слово, и мы хоть сегодня совершим брачные поклоны.

Наглые, вызывающие речи, произнесенные с глумливой ухмылкой, явно преследовали цель уязвить его посильнее. И все же это площадное шутовство не вызвало у Чжэньюя привычного гнева — лишь чувство глубокого абсурда.

Остатки дремоты мгновенно слетели с раненого:

—... Что за чушь?

Это было за гранью разумного.

За всю свою долгую и полную почестей жизнь Чжэньюй никогда не слышал столь дерзких, оскорбительных слов.

Неслыханная дерзость! Полное попрание приличий!

Он почувствовал себя воином, чей сокрушительный удар пришелся в пустоту.

Изнуренный недугом, бледный как призрак, он сейчас походил скорее на выходца с того света, нежели на завидного жениха. Нужно иметь весьма специфический вкус, чтобы польститься на такое зрелище.

— Ты... лишился разума? Или слеп от рождения?

— С чего бы? — хмыкнул Цинъян. — Зрение у меня отменное.

На лбу Чжэньюй прорезалась глубокая, сердитая складка.

Он, конечно, не поверил ни единому слову мальчишки, сочтя его тираду лишь глупой попыткой досадить ему в ответ на резкость.

И все же намеки на замужество были прямым оскорблением его мужского достоинства.

— Нелепица, — процедил он сквозь зубы.

Даже в Великой Ин, где увлечение мужской красотой давно вошло в моду среди знати, никто не смел открыто вводить юношей в род в качестве законных супругов. Старейшины этой семьи первыми бы переломали наглецу ребра за подобное святотатство.

Заметив, как заходили желваки на бледном лице собеседника, принц довольно сощурился. Пользуясь тем, что раненый слеп, он позволил себе широкую торжествующую улыбку.

Однако, взглянув на его неподвижные янтарные глаза, Цинъян посерьезнел. Улыбка сошла с его губ, уступив место искреннему любопытству:

— Раз уж мы все равно обречены делить ложе, не ответишь ли на один вопрос?

— Будучи при смерти от яда, в одном лишь исподнем... зачем ты полез на кручи горы Цюн?

В комнате повисла звенящая тишина. Скрытый смысл вопроса был понятен обоим.

«Ты ведь шел туда умирать, верно?»

Чжэньюй промолчал, плотнее сжав губы.

— Молчишь... — едва слышно вздохнул Цинъян.

Юноша протянул руку и мягко коснулся большим пальцем внешнего уголка его глаза. От этого прикосновения из-под сомкнутых век выкатилась одинокая холодная слеза. Она прочертила влажную дорожку по его щеке, блеснула в полумраке и затерялась в шелковых волосах.

Светлые зрачки раненого слабо дрогнули, потревоженные теплом чужой кожи, но он так и не закрыл глаз.

Невольная слеза, рожденная резкой болью и ярким светом лампы, соскользнула по его онемевшему лицу, оставив на пальце Цинъяна едва ощутимый, прохладный след.

— Ну что ж... — тихо обронил принц, убирая руку.

<http://bllate.org/book/19722/1959707>